

© 2019 г.

С. В. АРТАМОШИН

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (Брянск, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004840-2

В германской истории XX в. время господства национал-социализма (1933—1945 гг.) занимает особое место: оно стало переломным в германской политической традиции. Нацистское правительство сыграло ключевую роль в развязывании Второй мировой войны, которая по степени разрушения и человеческих жертв не знала себе равных в мировой истории. Вторая мировая война привела к крушению слившейся с нацизмом германской государственности и международному суду над нацистскими военными преступниками.

Стремление понять причины возникновения и успеха национал-социализма заставляли исследователей искать истоки движения в событиях и явлениях предшествующего времени. Это было вызвано желанием ответить на вопрос, была ли предшествующая германская история предпосылкой национал-социализма, являлся ли нацизм закономерным следствием германской политики и идеологии, или же нацизм представляет собой исключительное явление, некий «зигзаг» германской истории. В статье изучается степень преемственности и разрыва национал-социализма с германской идейной и политической традицией.

Становление Второй германской империи в 1871 г. завершило длительный процесс образования германского государства, который воспринимался немецкими консерваторами неоднозначно. Среди голосов поддержки звучали и критические суждения, указывающие на необходимость глубинного оформления империи, преодоления конфессионального разделения и завершение формирования германского народа. В этой связи показательны произведения Пауля де Лагарда и Юлиуса Лангбена, чьи суждения пересекались с политической позицией фёлькишеского движения. Развитие фёлькишеского движения приобретало комбинированные националистические и антисемитские черты, повлиявшие впоследствии на национал-социализм, который некоторое время причислял себя к фёлькишескому движению¹.

Немецкий консервативный мыслитель Пауль де Лагард (1827—1891), до 1854 г. носивший фамилию Пауля Антона Бёттихера и вследствие конфликта с отцом принявший фамилию двоюродной бабушки по материнской линии Эрнесты де Лагард, потомка лотарингских гугенотов, был специалистом по истории Ветхого Завета. Научное признание пришло к нему в 1868 г., когда ему была присуждена степень почетного доктора теологии от Галльского университета и звание профессора Гёттингенского университета. Политическая известность нашла его после публикации в 1878 г. книги «Немецкие сочинения», второй том которого вышел в 1881 г.²

¹ О фёлькишеском движении в кайзеровской Германии и Веймарской республике см.: *Breuer St. Die Völkischen in Deutschland. Kaiserreich und Weimarer Republik. Darmstadt, 2010.*

² *Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, 1963, S. 27—94; Mendlewitsch D. Volk und Heil. Rheda-Wiedenbrück, 1988, S. 116—153.*

Объектом изучения П. де Лагарда были актуальные вопросы германского политического развития. Образовавшаяся империя заявила, что будет «заботиться о немецкой жизни в Германии, спасти то, что еще можно спасти в Германии. Это не мирная работа, нельзя сделать омлет, не разбив яйца»³. Направленность государственной политики должна была служить образованию германской нации, способной выступить основой единого германского государства. Созданная политическая система кайзеровской империи представляла собой симбиоз монархизма и парламентаризма, функционирующий посредством партийной системы. Парламентская тактика партийной борьбы, по мнению П. де Лагарда, не способствовала сплочению германского народа, наоборот, толкала его в пучину партийных разногласий и конфликтов. Поэтому следует искать альтернативу партийной системы в другой плоскости⁴. Он полагал, что объединение германского народа возможно путем духовного слияния, так как «германство лежит не в происхождении, а в душе»⁵. Стремясь преодолеть конфессиональную раздробленность между католицизмом и протестантизмом в Германии, он предлагал создание новой немецкой религии, способной духовно соединить расколотое общество. «Путем к религии является сама религия», которая, совместно с Отечеством, «всеми силами молитвы и возвращением национальной религии добьется завоевания, в котором интересы религии и Отечества соединятся»⁶. Образование немецкой религии представляло собой германизацию христианства через создание немецкой национальной церкви как фундамента нового государства.

Консервативно-националистические идеи П. де Лагарда дополнялись антисемитскими элементами, которые, по мнению Ф. Штерна, имели экономический характер, где евреи идентифицировались с капиталистами и выступали в качестве виновников экономических трудностей общества⁷. П. де Лагард рассматривал еврейский народ как «нацию в нации»⁸, называя его «тяжелым несчастьем» европейских народов. Он предлагал два возможных пути решения еврейского вопроса: «или эмигрировать из Германии, или стать немцами»⁹. Посредством эмиграции или ассимиляции П. де Лагард считал возможным разрешить имеющиеся национально-религиозные противоречия. Такая унификация соответствовала его представлениям о единой германской религии, в которой бы не было раскола. Этот унифицированный взгляд предполагал стирание национальной особенности евреев, проживающих в Германии, и превращение их в немцев. В противном случае им не оставалось места в политическом и культурном мире Германии.

Антисемитские представления и проект образования германской церкви нашли свое отражение в работах идеолога национал-социализма А. Розенберга. Призывы к формированию германской церкви со стороны Розенберга вызвали решительные протесты со стороны представителей как католической, так и протестантской церквей, заставив нацистского идеолога оправдываться и отрицать стремление к образованию немецкой национальной церкви¹⁰.

Националистический компонент нашел свое развитие в творчестве Юлиуса Лангбена (1851–1907), опубликовавшего анонимно в 1890 г. книгу «Рембрандт как воспитатель», ставшую манифестом германского национализма. Страницы книги навеяны стремлением поиска духовной основы германского государства. Автор полагал, что современная Германия испытывала состояние духовного раскола, оказавшись

³ *Lagarde P. de. Schriften für das deutsche Volk. Bd. I. Deutsche Schriften. München, 1934, S. 10–11.*

⁴ *Ibid., S. 26.*

⁵ *Ibid., S. 30.*

⁶ *Ibid., S. 281, 156.*

⁷ *Stern F. Op. cit., S. 88.*

⁸ *Lagarde P. de. Op. cit., S. 30.*

⁹ *Ibid., S. 422.*

¹⁰ *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1934, S. 6, 14.*

в плену иностранных политических идей и течений. Процесс индустриализации способствовал не только концентрации населения в индустриальных центрах и городах, но и потере немецким населением духовной связи с немецкой землей и традицией. Он утверждал, что «сегодняшние немцы в большинстве своем находятся под влиянием ложной культуры»¹¹, ими утеряна немецкая духовная жизнь как отражение германской народной души. Лангбен находил репрезентацию немецкой души в крестьянском стиле Рембрандта, полагая, что «рембрандтовская живопись есть напрямую выраженное по-настоящему нидерландское, германское, нордическое»¹². В его произведениях Лангбен усматривал черты немецкого характера: «музыка и честность, варварство и благочестие, детское сознание и самосознание являются выдающимися чертами немецкого характера; в Рембрандте, в его художественной сфере, они справедливы, показанные им преимущественно как настоящие немецкие. Честь от самой себя, честь, родившаяся из маленького кусочка немецкой земли, честь от расширяющейся жизненности немецкого народного духа — короче, проверка прекраснейшей немецкой добродетели, которая вообще означает честь, которой Рембрандт мог и должен был нас учить»¹³.

Особенностью политического взгляда Лангбена было выделение народа как центрального компонента, придание ему особого значения. Народ приобретал большую ценность по сравнению с языком, территорией или монархической формой правления. «Не земля, и не язык, и не государство, а народ в своем единстве — есть Отечество, но сейчас немецкая душа, оторвавшись от почвенных корней, потерялась в лабиринте чуждых культур». Однако Лангбен верил, что «блуждающая душа немцев, которая сейчас художественно кружит во всех земных и небесных сферах, вновь вернется на отеческую землю»¹⁴.

Представления Лангбена носили антиурбанистический характер, вызванные тревогой перед нивелировкой народных крестьянских ценностей в условиях городской жизни. Он призывал к активизации почвеннического движения возвращения к крестьянской среде, в которой ему виделось единение народной жизни и немецкой народной души. В этом единении он видел прогресс германского государства. В отношении кайзеровской империи Лангбен занимал критическую позицию, полагая, что современное германское государство все сильнее превращается в монархически-буржуазное государство, становясь похожим на окружающие ее монархии. Кайзер все сильнее превращался в буржуазного монарха, терявшего германскую особенность и дистанцировавшегося от немецкого народа. Лангбен высказывал в качестве идеала политической формы принцип цезаризма, формируя его в образ «тайного кайзера», особенностью которого будет то, что он не связан с правящей монархической династией, не является аристократом, а происходит из народа, выступая его составной частью. «Он должен иметь собственную индивидуальность, зарождающуюся в индивидуальности его народа, в нем отображающуюся и с ним совпадающую»; он «чувствует себя сыном немецкой народной души», который «будет правильно любить немцев и ненавидеть врагов немцев; так же как к любой симпатии относится антипатия; любовь и строгость являются взаимными качествами, в которых нуждается и врач, и реформатор»¹⁵. Здесь происходило странное соединение националистического и народного, где коронованному монарху противопоставлялся тайный правитель, вышедший из народа и связанный с ним духовно. Это напоминало поиски тайной, скрытой Германии, которую осуществляли некоторые деятели культуры Германии рубежа XIX–XX вв., в частности круг Штефана Георге.

¹¹ *Langbehn A. Rembrandt als Erzieher. Vom einem Deutschen. Leipzig, 1922, S. 91.*

¹² *Ibid.*, S. 72.

¹³ *Ibid.*, S. 59.

¹⁴ *Ibid.*, S. 89.

¹⁵ *Ibid.*, S. 353–354.

В перспективе политическая надежда на лидера из народа указывала на отход от аристократизма и элитарности и обращение к народной массе, из которой возможно появление нового лидера. Несмотря на неприятие А. Ю. Лангбеном демократической системы, политический успех нового лидера был возможен в рамках парламентской системы, причем он сам никак не отождествлялся с существующей политической элитой. Он виделся как человек, вышедший из народной массы, не имеющей никакой связи с существующей политической системой. Конечно, ассоциация с приходом к власти в дальнейшем Гитлера напрашивается сама собой. Черты, которые прописывал А. Ю. Лангбен, соответствовали личностным характеристикам и политическому пути нацистского «фюрера».

Наибольшее воздействие на представления национал-социалистов оказал Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1927), с чьим именем связан не только расистский дискурс нацистов, но и личные контакты философа с нацистами, носившие, правда, поверхностный характер. Нацистское мировоззрение, расистское по своей природе, было и националистическим мировоззрением. Именно Чемберлен в расовой интерпретации истории объединил расизм и германство в единое целое. Основным сочинением Чемберлена были «Основы XIX столетия», опубликованные в 1899 г., и имевшие большой читательский успех. Выступая с расистской интерпретацией, он объяснял причины падения государств и исчезновения народов смешением крови, которое разрушало народ. Единственный путь спасения состоял в сохранении расовой однородности. «Жизнь целых народов будет короткой, если не будет сохранено расовое единство»¹⁶. Носителями мировой истории он объявлял нордических европейцев как наследников древних арийских народов, под которыми понимал германцев. Его произведение было своеобразным гимном германцам, их политическому и духовному величию. «Глядя сегодня вокруг, мы видим, что значение каждой нации как жизненной силы зависит от нахождения в населении подлинно германской крови. Только германцы могут сидеть на троне Европы». Таким правом они обладали в силу того, что «германец был и остается одной из величайших, а может быть самой величайшей в истории человеческой силой»¹⁷.

Чемберлен подчеркивал духовную основу германского народа, утверждая, что «германство лежит в душе». Основными чертами немецкого характера выступали свобода и честь, присутствие которых являлось выражением германского духа. «Свобода и честь есть два корня немецкой сущности, или, если хотите, два крыла, ведущих ввысь»¹⁸. Духовное доминирование германского духа в Европе определялось его влиянием на формирование европейской культуры. «Германцы — душа нашей культуры. Современная Европа, распространяя свое влияние на земном шаре, пришла к общему результату одного бесконечного разнообразного смешения: что все мы переплелись друг с другом и связались в одно органичное единство — германскую кровь»¹⁹. Культурное доминирование арийского народа предполагало наличие противоположного полюса, который, в его представлении, занимало еврейство. Характеризуя его как расу, Чемберлен выделял в качестве отличительного признака доминирование у арийцев духовных основ, а у евреев — материальных. Еврейство выступало как деструктивный элемент, угрожавший арийской культуре и имевший демоническую основу²⁰. В идейных конструкциях Х. С. Чемберлена произошло слияние фёлькишеских идей и биологического расизма, причем немецкое националистическое движение кайзеровской Германии приняло его как духовного лидера, а в годы Веймарской республики он вообще стал «живым классиком» для расистских политических движений, к которым относили себя и нацисты.

¹⁶ Chamberlain H. S. Die Grundlage des XIX. Jahrhunderts. München, 1922, S. 341.

¹⁷ Ibid., S. 282, 583.

¹⁸ Ibid., S. 530, 579.

¹⁹ Ibid., S. 282.

²⁰ Ibid., S. 498.

Публикация «Основ XIX столетия» привлекла внимание читателей и критиков. Переводчик книги Ж.-А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», член «Общества Гобино» Людвиг Шеман писал, что «Чемберлен, англичанин,... даже сделал шаг дальше, свидетельствующий о его замечательном мужестве и вдвойне значительный со стороны человека английского происхождения, шаг, который никогда бы не удался французу Гобино: он сделал заключительным аккордом германской мысли нашего времени сознание того, что ныне она обладает и передается, прежде всего, немцам, и что будущее Германии в высшей сущности совпадает со всем цивилизованным человечеством»²¹. В годы Первой мировой войны Х. С. Чемберлен, женатый к тому времени на Еве Вагнер и наследовавший вагнеровский дом в Байрейте, активно занимался публицистикой и военной пропагандой, за что был отмечен кайзером Вильгельмом II, который предоставил ему германское подданство и наградил орденом Железного креста. В статье, посвященной 60-летию со дня рождения Чемберлена, Йозеф Штольцинг отмечал, что «своими «Основами XIX столетия» он сделал ту эпохальную работу, которая в духовном развитии германизма была одновременно поворотным пунктом и путеводителем, превратив свое сочинение в «методику арийской мысли»»²². Спустя 10 лет, к 70-летию Чемберлена, Курт Энгельбрехт в статье «Х. С. Чемберлен и германо-фёлькишеская культура» указывал, что Чемберлен своим сочинением доказал, что «все великое и плодотворное развитие в духовной и культурной жизни последних двух тысячелетий ... питалось воздействием арийского образа мысли и мировоззрения... Он создал нам нерушимую веру в наше немецкое будущее»²³. Таким образом, Х. С. Чемберлен превратился в знаковую фигуру германского националистического движения начала XX в. и после войны «для многих радикально настроенных немцев он оставался духовным символом утраченной Германии»²⁴.

Отличительной особенностью Х. С. Чемберлена по сравнению с Лагардом и Лангбеном являлось то, что между национал-социализмом и ним существовал реальный контакт взаимоотношений, носивший для расистского философа поверхностный, а для зарождающегося нацистского движения политически важный характер. В конце сентября 1923 г. Гитлер посетил мемориальный дом Рихарда Вагнера «Ванфрид-Хауз» и познакомился с Х. С. Чемберленом. Гитлер был полон чувств, хотя, как пишет биограф Гитлера Й. Фест, «почти полностью парализованный старик едва ли мог разглядеть посетителя, но почувствовал исходящие от того энергию и целеустремленность»²⁵. Спустя несколько дней после этого Х. С. Чемберлен в письме к Гитлеру отметил, что «то, что в час глубочайшей необходимости Германия способна порождать таких, как Гитлер, доказывает её жизнеспособность»²⁶. На похоронах Чемберлена присутствовали две официальные фигуры: наследный принц, представлявший находившегося в эмиграции бывшего кайзера Вильгельма II, и Адольф Гитлер. Впоследствии идеи Чемберлена об англо-германском единстве выступали основной пробританской позиции А. Розенберга, стремившегося возглавить это сближение и стать инициатором англо-германского союза.

Националистические и расистские поиски основ германской исключительности в конце XIX в. и накануне Великой войны выразились в тенденции объединения национализма и расизма в симбиоз взаимосвязанных идей. Это позволяло придать национализму наукообразное обоснование, перейдя из сферы духа в сферу разума, теснее

²¹ *Schemann L. Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des Essai sur l'inegalite des races humaines. Stuttgart, 1910, S. 247.*

²² Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 577, оп. 2, д. 24. л. 1.

²³ *Völkische Kultur, 31.VIII.1925.*

²⁴ *Артамошин С. В. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002, с. 50.*

²⁵ *Фест Й. Гитлер. Биография, т. 1. Пермь, 1993, с. 294.*

²⁶ *Chamberlain der Scher des Dritten Reiches. Das Vermächtnis Houston Stewart Chamberlain an das Deutsche Volk. München, 1934, S. 13.*

соприкасаясь с рационалистической современностью. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война стала разделительным рубежом не только развития немецкого национализма, но и изменения германской истории. Стремление кайзеровского рейха к политическому доминированию в Европе и превращение Германии в крупнейшую империю было развеяно в ходе мировой войны. Поражение кайзеровской Германии в ноябре 1918 г. повлекло за собой германскую революцию, утвердившую новое государство — Веймарскую республику. Революционное правительство было вынуждено завершать проигранную войну, и на него легла тяжесть подписания ультимативного мирного договора. Политическая травма от поражения и Версальского мирного договора слились воедино и стали отождествляться с революцией и утвержденной ею республикой.

Возникновение антиреспубликанских правых движений в 1919 г. сопровождалось стремлением выработать политическую концепцию, которая определила бы вектор консервативного политического развития Германии как альтернативу либеральной Веймарской демократии. Правые организации опирались на предшествующие кайзеровские организации имперской направленности. Участие этих обществ в организации новых политических движений объяснялось стремлением продолжить деятельность, которая бы не отождествлялась с кайзеровскими имперскими организациями, дискредитировавшими себя поражением рейха в мировом конфликте.

16 февраля 1919 г. на расширенном собрании Пангерманского союза была принята «Бамбергская декларация», определившая новые цели политической деятельности, основанные на восстановлении политического влияния и территориальной целостности империи, внутриполитической фёлькишеской и антисемитской пропаганды. В результате было провозглашено создание новой политической организации — «Немецко-фёлькишеского союза защиты и отпора», которая играла важную политическую и организационную роль в первые республиканские годы²⁷. Политическим лидером организации стал Альфред Рот. Особенностью союза был социально мотивированный антисемитизм и расовый национализм. Пропаганда этой организации возлагала ответственность за поражение в Первой мировой войне не просто на республиканских политиков, а на политиков-евреев²⁸. Союз был связан с другими праворадикальными и антисемитскими обществами. Были установлены контакты с Немецкой национальной народной партией, с Немецкой народной партией, Младогерманским орденом, фрайкорами и организацией «Консул»²⁹. Большую роль в антисемитской пропаганде играла изданная в январе 1920 г. книга Г. цур Бека «Тайны мудрецов Сиона», более известная как «Протоколы сионских мудрецов». Под именем Г. цур Бека скрывался Мюллер фон Гаузен, лидер «Общества по борьбе с влияниями евреев» и «Общества по борьбе с масонством»³⁰. В течение 1920 г. книга выдержала 7 изданий³¹. В качестве каналов распространения этого сочинения использовалась система подписки внутри членов антисемитского общества, с предоставлением специального подписного талона³². Впоследствии нацистский идеолог А. Розенберг отмечал «великую заслугу г-на Мюллера фон Гаузена в борьбе против еврейского зазнайства, которая состояла, прежде всего, в популяризации и распространении среди антисемитских групп идеи существования всемирного еврейского заговора и издании на немецком языке «Протоколов сионских мудрецов»»³³.

²⁷ *Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. 1890—1939. Wiesbaden, 1954, S. 130—132; Lohalm U. Völkischer Radikalismus. Die Geschichte des Deutschvölkischen Schutz-und Trutzbund. 1919—1923. Hamburg, 1970, S. 76.*

²⁸ *Lohalm U. Op. cit., S. 82.*

²⁹ *Ibid., S. 196, 199, 212, 216, 228.*

³⁰ РГВА, ф. 577, оп. 2, д. 16, л. 2—3.

³¹ *Lohalm U. Op. cit., S. 178.*

³² РГВА, ф. 577, оп. 1, д. 11, л. 2.

³³ *Rosenberg A. Die Protokolle der Weisen von Zion und die jüdische Weltpolitik. München, 1933, S. 113.*

Система политического взаимодействия и коммуникаций, существовавшая в начале 1920-х годов, превращала «Немецко-фёлькишеский союз защиты и отпора» в одну из ключевых праворадикальных организаций. Введенный ею принцип политический пропаганды с использованием сетевой системы распространения агитационной литературы и визуальной фиксации символики общества в виде свастики служил способом привлечения новых сторонников. С этой же целью была создана «Политическая школа», в рамках которой шло политическое воспитание сторонников, в региональных отделениях открывались библиотеки антисемитских книг, проводились немецкие национальные вечера, в которых приняли участие около 200 тыс. человек³⁴. На лето 1922 г., когда по закону о защите республики, принятого после убийства министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, произошло запрещение деятельности Немецко-фёлькишеского союза защиты и отпора», численность этой организации достигла 180 тыс. человек, она имела более 600 региональных групп и действовала в 20 германских землях³⁵. Средством сплочения фёлькишеских организаций Германии стали проводимые в 1920—1922 гг. «Немецкие дни», в рамках которых происходили политико-координационные мероприятия и демонстрация активности политических фёлькишеских сил. Отчеты о проведении «Немецких дней» рассылались по всей Германии, а также распространялись в Северной и Южной Америке, Индии, голландских колониях и на территории России³⁶. В 1922 г. в Кобурге в проведении «Немецких дней» участвовала и национал-социалистическая немецкая рабочая партия во главе с Гитлером, что стало символическим актом признания ее как фёлькишеской политической организации³⁷. Это политическое действо включало нацизм в систему фёлькишеской субкультуры, которая демонстрировала сеть политических и идеологических коммуникаций, в рамках которой шла выработка системы ценностей праворадикального толка. Национал-социализм взаимодействовал с другими праворадикальными организациями, боролся за политическое лидерство, и самое главное, впитывал комплекс расистских и антисемитских идей, определивших мировоззрение нацистов.

В годы Веймарской республики большое влияние на представления праворадикальных групп оказало возникшее и просуществовавшее в годы республики интеллектуальное направление консервативной революции³⁸. Не имея четкой организационной структуры, оно было представлено яркими политическими мыслителями консервативной и националистической направленности, вырабатывавшими альтернативную модель демократической республики, основанную на немецком национализме. В отличие от кайзеровского консерватизма, опиравшегося на монархизм, Веймарский консерватизм исходил из доминанты объединения консерватизма и национализма, где последний приходил на смену монархическому принципу.

Представители консервативной революции в основном были выходцами из маленьких городов Германии, которые впоследствии переехали в столицу, но сохранили в себе страх перед мегаполисом, что нашло отражение в их публицистической деятельности. Наиболее сильно антиурбанистический эффект присущ работам О. Шпенглера, М. Штапеля и Э. Никиша. Многие из представителей консервативной революции прошли обучение в гимназиях, окончили университеты. Так, О. Шпенглер изучал математику и естествознание, В. Штапель — историю искусств и философию, К. Шмитт, Э. Ю. Юнг, Ф. Г. Юнгер, Г. фон Гляйхен — юриспруденцию,

³⁴ Lohalm U. Op. cit., S. 129—130.

³⁵ Lohalm U., Ulmer M. Alfred Roth und der Deutschvölkische Schutz-und Trutz-Bund. Schrittmacher für das Dritte Reich. — Wegbereiter des Nationalsozialismus. Personen, Organisationen und Netzwerke der extremen Rechten zwischen 191 und 1933. Essen, 2015, S. 21.

³⁶ РГВА, ф. 577, оп. 1, д. 847, л. 11—21.

³⁷ Lohalm U. Op. cit., S. 128.

³⁸ Артамошин С. В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб., 2018.

Э. Штадтлер, М. Шпан — историю, Г. Фрайер, М. Х. Бём, Г. Циглер — философию. Э. Юнгер в течение одного семестра изучал зоологию и философию, Г. Цирер метался между медициной, философией и теологией, так и не закончив высшего образования. Ф. Фрид изучал национальную экономику у В. Зомбарта, Э. В. Эшманн — социологию у А. Вебера³⁹.

Политические идеи консервативной революции пропагандировались в политических клубах, через специальные политические образовательные учреждения, а также посредством периодических политических изданий и книг. В июне 1919 г. был образован «Июньский клуб», который не только противопоставлялся левому «Ноябрьскому клубу», но и своим названием подчеркивал политическую направленность — борьбу против Версальского мирного договора. Состав «Июньского клуба» был политически пестрым. В него входили члены Немецкой национальной народной партии граф Вестарп, Отто Гётч, фон Фрайтаг-Лорингхофен; политики из партии Центра Мартин Шпан и Генрих Брюнинг; члены Немецкой демократической партии Ф. Науманна, Георг Бернхард, главный редактор «Фосской газеты» социал-демократ и статс-секретарь экономического ведомства Германии Август Мюллер, социальный философ Франц Оппенгеймер⁴⁰. Печатным органом политического клуба была газета «Дас Гевиссен» («Совесть»), активным автором которой был Мёллер ван ден Брук. Клуб создал в 1920 г. «Политическую коллегия по национально-политическому воспитанию и учебной работе», занимавшуюся политическим воспитанием в духе ценностей консервативной революции. В результате внутреннего кризиса в «Июньском клубе» в 1924 г. эта организация распалась; на ее месте был образован «Клуб господ», который представлял собой политическое дискуссионное сообщество. Один из создателей клуба Вальтер Шотте впоследствии писал, что «Клуб господ был политическим, но он не влиял на политику... Он хотел быть представителем консервативных политических кругов Германии»⁴¹. Единая организационная структура консервативной революции так и не была создана. Консервативная революция была в большей степени интеллектуальным течением с ярко выраженным авторским индивидуализмом, обладавшим газетами и журналами, служившими платформой для пропаганды консервативных идей. В творчестве консервативных революционеров прослеживается стремление выработать националистический проект будущего германского государства.

Программным манифестом консервативной революции была книга Мёллера ван ден Брука «Третий рейх»⁴², в которой автор высказал ключевые положения консервативной революции. Отличительной чертой консервативной революции служило смешение консервативных и революционных принципов. Стремление консерватизма к сохранению политической структуры и ценностей невозможно в демократической системе, поэтому их утверждение может быть достигнуто путем революционного свержения демократии. Таким образом, как писал Мёллер ван ден Брук, в Германии «революционные и консервативные идеи проникают друг в друга, превращая революционную динамику в отличительную черту веймарского консерватизма»⁴³. Политической целью консервативной революции было объединение нации. Для этого необходимо преодолеть партийную разобщенность немцев. Консерватизм стремится к служению общности народа и государства. В отличие от националистических объединений Германии начала 1920-х годов, которым не откажешь в обладании энергией деятельности и готовности к совершению решительных действий вплоть до путей, консервативная революция стремилась придать энергии нации конкретную

³⁹ Breuer St. *Anatomie der Konservativen Revolution*. Darmstadt, 1993, S. 27–30.

⁴⁰ Schwierskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962, S. 60.

⁴¹ Цит. по: Jshida Y. *Jungkonservative in der Weimarer Republik: der Ring-Kreis 1928–1933*. Frankfurt a. M. — Berlin — New York — Paris, 1988, S. 56.

⁴² Moeller van den Bruck A. *Das dritte Reich*. Hamburg — Berlin, 1931, S. 246.

⁴³ Ibid., S. 230–231.

направленность и четкие политические очертания. Она подчеркивала связь между готовностью к деятельности и духовной готовностью к совершению действия. Политической активности должно предшествовать политическое воспитание нации, цель которого состоит в преодолении политических идей, «искалечивших Германию и Европу». Консервативная революция обратилась «к человеку в немце и к немцу в человеке»⁴⁴. Таким образом, консерватизм повернулся лицом к нации и соединил в себе консервативные и националистические компоненты.

В германской революции 1918 г., в представлении Мёллера ван ден Брука, немецкий народ, не обретя свою национальность, превратился в «народ без настоящего»⁴⁵. Преодоление послевоенного кризиса и ревизия Версальского мирного договора была возможна только посредством освобождения от либеральных ценностей и объединения народа. Мёллер ван ден Брук высказывал призыв, ставший лозунгом германского националистического движения: «Ни один немец не может жить, если не живет Германия!»⁴⁶ Философ указывал, что особенностью современной эпохи в Германии является то, что у германского пролетариата происходит осознание значения национализма, просыпается националистический дух. Мёллер ван ден Брук полагал, что именно посредством консервативно-национальных ценностей удастся объединить немцев и превратить их в единый германский народ. Веймарская демократия не решила проблему национального единства; Германия превратилась в расколотое на многочисленные политические группы общество. Поэтому необходимо «революционное понимание консервативной идеи»⁴⁷, которое приведет к политизации нации. В результате произойдет объединение внутренних духовно-кровных черт с внешним государственным выражением: «Нация — это народ, который живет осознанием своей национальности. Мы должны уяснить сами для себя, что мы никогда не были такой нацией. Мы жили в осознании нашего государства»⁴⁸. Взаимосвязь нации и национализма выражается в принятии ценностей, так как «нация — это общность ценностей. Национализм есть осознание ценностей»⁴⁹.

Мёллер ван ден Брук утверждал, что в условиях революционных изменений консерватизм обратился к проблеме нации, сделав ее стержнем консервативной революции. Государство перестало быть политическим ориентиром в силу того, что образованное Ноябрьской революцией 1918 г. государство превратилось в инструмент послевоенной политики победителей: Веймарская республика склонилась перед Версальской системой. Консерватизм нации — путь в будущее: «Национализм непременно ориентируется на будущее нации. Он консервативен, так как он знает, что будущее невозможно без укоренения в прошлом. И он политический, так как он знает, что прошлое, как и будущее, может быть обеспечено только тогда, когда он защитит нацию в современности»⁵⁰. Таким образом, консервативная революция в своих политических идеалах объединялась с набиравшим обороты националистическим движением в деле свержения Веймарской системы. Она заявляла о себе как об идейном творце новой консервативно-революционной идеи.

Рассмотрение проблемы национализма и консерватизма у Мёллера ван ден Брука в целом сводилось к приданию консерватизму новой цели — нации, которая должна была занять лидирующее положение по отношению к традиционной для консерватизма проблеме государства. С середины 1920-х годов националистическая проблема как аспект консервативной мысли получила новый импульс развития в работах

⁴⁴ Ibid., S. 298—299.

⁴⁵ Ibid., S. 25.

⁴⁶ Ibid., S. 205.

⁴⁷ Ibid., S. 22.

⁴⁸ Ibid., S. 253.

⁴⁹ Ibid., S. 303.

⁵⁰ Ibid., S. 301.

Э. Юнгера, который считал национализм характерной чертой современной эпохи, зародившимся в годы Великой войны и противопоставляемый буржуазному предвоенному и послевоенному миру. «Национализм... в целом является не буржуазным чувством, радикально отличаясь от патриотизма предвоенного времени, он динамичен, вспыльчив и полон витальной энергии наших больших городов, в которых он — и это еще одна типичная черта — переживает бурный рост в отличие от консервативного чувства жизни. В своей основе он не реакционен, а революционен»⁵¹. Национализм — выражение жизни, направленное на преодоление буржуазных политических правил и ценностей. В программном манифесте нового национализма сказано, что «каждый национализм выступает как пьянящая, бурная, кровная гордость, героическое, могущественное ощущение жизни. Он не владеет критической и аналитической склонностью, ослабляющей жизнь. Он не хочет толерантности, так как жизнь не знает ее. Он фанатичен, так как все кровное фанатично и несправедливо. В нем не лежат научно обоснованные ценности»⁵². Объединяя военные переживания и национализм, Э. Юнгер переносил ценности самопожертвования в современное германское общество, устанавливая взаимосвязь между мировой войной и веймарским обществом. «Быть националистом на войне означает быть готовым умереть за Германию, сегодня это означает поднять знамя революции за счастливую и великую Германию»⁵³.

В политической действительности Веймарской республики середины 1920-х годов Э. Юнгер призывал к созданию широкого националистического фронта, который будет способен «укрепить наше влияние в боевых союзах, так как их революционизация является первой необходимостью. Меньше удобства, меньше членов, больше активности! Централизованное руководство! Надо привлекать рабочих! Путь со всеми отвергающими обманщиков мирового хозяйства! Мы не тюремщики рабочих. Будем расширять и централизовывать националистические профсоюзы, к их руководству должны прийти рабочие националистической чеканки. На националистических баррикадах они добьются большего, чем марксизм за все пятьдесят лет»⁵⁴. Таким образом, философ призывал к широкой кооперации националистических групп, направленной как против Веймарской республики, так и против социал-демократов.

Стремление к политическому взаимодействию немецких правых устанавливало возможность сотрудничества на националистической основе представителей консервативной революции с нацистским движением. Однако эта взаимосвязь, имевшая место в Веймарской республике, не была столь однозначной. Стремясь к расширению политических связей на общегерманском уровне, Гитлер в 1922 г. попытался наладить взаимодействие с «Июньским клубом» и Мёллером ван ден Бруком. Встреча Мёллера ван ден Брука с Гитлером состоялась по просьбе К. Хаусхофера при посредничестве В. Пехеля. Гитлер в длинном монологе перед 150 членами «Июньского клуба» высказал свое видение современной ситуации. В беседе с Мёллером ван ден Бруком он стремился всячески понравиться своему собеседнику и предложил сотрудничество: «Вы разработаете духовное оружие в борьбе за обновление Германии. Я же не претендую на большее, чем быть национальным барабанщиком и собирателем сил. Давайте сотрудничать!». Но Мёллер ван ден Брук не проявил интереса к предложению Гитлера; после ухода нацистского лидера он сказал, что этот «парень никогда не поймет», что нужно Германии и предложил пойти в пивную, чтобы запить неприятные ощущения от беседы⁵⁵.

Отношения Э. Юнгера и Гитлера были также не однозначными. Юнгер отмечал, что нацизм должен впитать в себя сок немецкого национального движения: «Сама

⁵¹ Jünger E. Politische Publizistik 1919 bis 1933. Stuttgart, 2001, S. 218.

⁵² Jünger F. G. Aufmarsch der Nationalismus. Berlin, 1926, S. 28–29.

⁵³ Jünger E. Politische Publizistik, S. 216.

⁵⁴ Ibid., S. 211–212.

⁵⁵ Schwierskott H.-J. Op. cit., S. 144–145.

национал-социалистическая идея должна приобрести такую глубину и такое значение, чтобы она и не какая иная была признана в качестве немецкой»⁵⁶. В представлении Юнгера Гитлер был новым типом вождя массового общества, объединяющего в себе черты нового времени: «В фёлькишеском движении, в котором была сделана первая, хотя и неуверенная попытка рассмотрения расы, превратить принципы расы и крови в господствующие принципы в государстве, из недр возникает фигура ефрейтора Гитлера, образ, который подобно Муссолини, несомненно, воплощает собой новый тип вождя и под его знамена встают рабочие и офицеры плечом к плечу. Тогда у этого духа не было ни форм, ни средств, дух национализма, для которого не важна личность, а важна задача, соединился с фронтовыми солдатами»⁵⁷. Усматривая возможность объединения националистических сил в единый фронт, Юнгер подчеркивал отличие между двумя движениями, которое не позволяет объединить их. «Национал-социализм как политическая организация нацелен на достижение фактической власти, в то время как задача национализма иная. С одной стороны, есть желание реализовать идею, с другой стороны, постичь ее в наиболее чистом виде. Для национал-социализма так важно право на руководство массами, в то время как для национализма количество не имеет значения, так как явление уровня Шпенглера, долго и упорно замалчиваемое демократией, весит больше, чем сотня мест в парламенте»⁵⁸.

Разрыв с национал-социализмом произошел, когда националисты из голштейнского движения «Ландфольк» 1 сентября 1929 г. взорвали бомбу в здании рейхстага. Гитлер дистанцировался от поддержки и одобрения этих действий, чем разочаровал Юнгера. Это стало основанием для определения Юнгером нацистского движения как буржуазного, которому важнее места в рейхстаге, чем решительные действия: «По меньшей мере странно, когда коммунисты призывают стражей порядка. Парадокс состоит в том, что там оказалось меньше националистов, чем я ожидал. Господин Гитлер вообще заявил о вознаграждении за поимку террористов. Таким образом, лишний раз подтвердилось, что все они имеют одно основание. Словом, все вы бюргеры и как бы вы ни старались, как бы вы ни полировали старые, никому не нужные медали, вы все на одно лицо, и мне больше не хочется вам льстить»⁵⁹.

Проблему преемственности политических идей консервативных революционеров и национал-социалистов отмечали сами консервативные революционеры. Эдгар Юлиус Юнг писал, что «духовные предпосылки немецкой революции были созданы вне нацизма». Национал-социализм был в некоторой степени «рефератом народного движения в этом великом общественном деле. Он грандиозно расширил его, и оно стало гордой силой. Мы не только радуемся этому, но и осознаем, что сами во многом содействовали этому. Незаметной постепенной работой, особенно среди образованных слоев, мы каждый день создавали предпосылки для того, чтобы народ отдал голоса нацистским кандидатам. Эта работа была героической, так как мы отказались от наград, от внешнего успеха. Я не знаю, где бы сегодня находился Мёллер ван ден Брук... Он мертв и поэтому является духовным вождем, который охотно наделил жизненной духовностью недисциплинированную интеллигенцию. Я уважаю примитивность народного движения, уважаю боевой дух победоносных гауляйтеров и штурмфюреров. Но это не дает им права рассматривать себя как соль земли и презирать духовных предшественников»⁶⁰.

Консервативная революция способствовала духовному разрушению Веймарской системы. Ее полемика с республикой была дискуссией яростной и бескомпромиссной. Обнажая слабость и беспомощность веймарского государства, консерваторы желали

⁵⁶ *Jünger E.* Politische Publizistik, S. 320.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 77.

⁵⁸ *Jünger E.* Nationalismus und Nationalsozialismus, S. 319.

⁵⁹ *Jünger E.* Politische Publizistik, S. 509.

⁶⁰ *Jung E. J.* Neubelebung von Weimar? — *Deutsche Rundschau*, № 58, Juni 1932, S. 159.

его крушения. Веймарская республика пала, но разрушили ее нацисты, использовавшие национальный подъем для утверждения политического господства, в котором для деятелей консервативной революции не было места. Национал-социализм подчеркивал свою исключительную особенность как движения, пришедшего к власти и не желавшего считаться с любыми политическими предшественниками. Фактически нацисты отвергали систему коммуникационных и идеологических сфер, вращение в которых повлияло на оформление политических идей движения. Однако в этом отрицании, которое для национал-социализма носило политический характер, присутствовало мировоззренческое различие.

Мировоззрение национал-социализма рассматривало нацизм как закономерный процесс естественного развития природы. В основе нацистского мировидения лежало расовое понимание истории, в котором объединялись естественные и духовные стороны жизни. По представлению А. Розенберга, «душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот, раса — это внешняя сторона души». Розенберг считал, что «раса», «душа» и «дух» являлись единым целым, и только в процессе познания человек рассматривал их с разных сторон. Каждой расе якобы свойственно обладание своей душой, в которой сосредоточены сущностные качества: «Каждая раса имеет свою душу, каждая душа — свою расу, свою собственную внутреннюю и внешнюю архитектуру, свои характерные формы проявления и стиль жизни, свое собственное соотношение между силами воли и разума, каждая раса в конечном итоге культивирует только один высший идеал»⁶¹.

Розенберг утверждал, что современная эпоха является переломным рубежом человеческого развития. В душе немцев просыпается новая сущность — понимание роли и значения крови. Это приведет к отказу от современных политических ценностей, когда на смену христианским верованиям, либеральным или консервативным воззрениям придет новая парадигма: «Сегодня просыпается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью будет защищена вообще божественная сущность людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие»⁶². Осознание новых расовых ценностей означает формирование нового мировоззрения, отличающегося от принципов буржуазного общества. В основе нового нацистского мировоззрения были положены принципы биологического расизма. «Кровь, которая умерла, начинает оживать. В ее мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу одной духовной ценности против другой духовной ценности»⁶³.

Нацистские теоретики считали немецкий народ нордическим, происходившим из северо-западной Европы, и отождествляли его с арийцами. Для нацистов народ был скорее самодетерминированным образом, чем сообществом людей, объединенных общим происхождением. Со временем арийский тип был сведен ими к определенным физическим характеристикам, которые были критерием определения принадлежности человека к «нордической расе». Идеальный «арийский тип» выступал в нацистском мировоззрении в качестве противоположности образу немца современной Германии. Заявляя о своем стремлении переустроить духовную жизнь страны и каждого ее отдельного гражданина, нацисты воплощали свои личные, интеллектуальные, духовные представления в образе «арийца». «Арийский тип» должен был прийти на смену существующему в их представлении «ущербному типу» немца Веймарской республики,

⁶¹ Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts, S. 2, 116.

⁶² Ibid., S. 114.

⁶³ Ibid., S. 1–2.

который, пойдя на поводу ложных и чуждых германскому духу идеалов, утратил качества, присущие его характеру. «Ариец» выступал как антипод «веймарского человека» и прообраз будущего германского народа. Заявляя о себе как о защитнике Германии от разрушительных последствий послевоенного мира, Гитлер подчеркивал, «Германия катилась в пропасть; удержать ее от окончательного падения в последнюю минуту было призвано наше движение»⁶⁴.

Нацистская характеристика Веймарской республики представляла собой соединение политического и расового подхода, в результате чего государственная власть трактовалась как сила, проводящая политику победителей, превративших Германию в иностранную колонию. Образ политического врага приобретал в представлениях нацистов яркие антисемитские черты. На еврейство, которое противопоставлялось «немецкому народному государству», возлагалась вина как за поражение в Первой мировой войне, так и за утверждение республики⁶⁵. Нацисты характеризовали Германию как осажденную крепость, страну, которая находится под двойным гнетом — внешним победителей из Антанты и внутренним веймарских демократов. Нацисты призывали к «освобождению» страны путем ликвидации демократической системы и отмены Версальского договора.

Национал-социалистическая идеология сформировалась в условиях политического противостояния частей расколотого общества Веймарской республики. Это было пропитанное расизмом и антисемитизмом мировоззрение, нацеленное на глубинную трансформацию германского общества⁶⁶. Нацизмом были впитаны фёлькишеские идеи кайзеровской Германии, нацеленные на объединение немцев в единый германский народ. Нацистское движение в Веймарской республике использовало систему политических коммуникаций, существовавшую среди немецких правых; оно впитало не только их политические идеи, но и праворадикальную субкультуру, модель политического поведения. Оно вписывалось в антидемократическую и антивеймарскую позицию праворадикальных сил, призывая к свержению демократической системы и замене ее авторитарной моделью «кровной немецкой народной общности». В идейном мире немецких правых Веймарской республики национал-социализм соседствовал с политическими идеями консервативной революции, но отличался от них как расистской доминантой, так и популизмом. Отличительной чертой как консервативной революции, так и нацизма в их борьбе против Веймарской республики был расизм и антисемитизм, не характерный для консерваторов. Следует иметь в виду стремление консерваторов к выработке духовных и идеологических ориентиров, а не к борьбе за овладение массами. Это привело к тому, что нацисты стали подчинять себе улицы и стремиться к политическому успеху, которого и достигли в 1933 г.

⁶⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1936, S. 409.

⁶⁵ *Hitler A.* Judenparadies oder deutscher Volksstaat. — Adolf Hitlers Reden. München, 1933, S. 60.

⁶⁶ *Хавкин Б. Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопровождение немецких евреев. М., 2018.